

Гуминский В. М.

Гоголь и «Вехи»

Нельзя не признать, что судьба творческого наследия Гоголя в истории русской литературы и общественной мысли (зарубежные рецепции можно пока оставить в стороне) удивительна и парадоксальна. Количество всевозможных интерпретаций этого наследия, порой прямо противоположных по смыслу, в литературной (и не только) науке и культуре (театр, кинематограф и т. п.) с каждым годом возрастает, что, по крайней мере, свидетельствует о его актуальности и жизнеспособности. Неуклонно возрастает и внимание к той части наследия писателя, которую относят к публицистике, духовной прозе, прежде всего к «Выбранным местам из переписки с друзьями». Общеизвестно, что в этой книге Гоголь выступил как религиозный, христианский мыслитель, публицист, духовный писатель, проповедник и учитель жизни. Хорошо известна и драматическая история книги: она, за редкими исключениями, не была принята ни в церковной, ни в светской читательской среде.

Но вот в марте 1909 года в Москве на свет появляется сборник статей «Вехи», проникнутый пафосом обличения русской интеллигенции, в первую очередь, за её отвержение высоких духовных ценностей, подчинение идее («соблазну») Великого инквизитора Достоевского, «который требовал отказа от истины во имя счастья людей»¹. Об этом уже в первой статье сборника писал Н. А. Бердяев («Философская истина и интеллигентская правда») и заключил, что «подлинная же любовь к людям есть любовь не против истины и Бога, а в истине и в Боге, не жалость, отрицающая достоинство человека, а признание родного Божьего образа в каждом человеке» (с. 31). Ту же мысль развивал и С. Н. Булга-

¹ Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909–1910. М., 1991. С. 30. В дальнейшем цитируем статьи сборника «Вехи» по этому изданию с указанием в скобках страницы после цитаты.

ков в ставшей знаменитой статье «Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции)».

«Нет интеллигенции более атеистической, чем русская», – констатировал будущий священник (принял сан в 1918 году), указав, что «так повелось изначально, ещё с духовного отца русской интеллигенции Белинского» (с. 49). «И поразительно, – продолжал Булгаков, – сколь мало впечатления производили на русскую интеллигенцию люди глубокой образованности, ума, гения, когда они звали её к религиозному углублению <...>» (с. 50).

Им, в сущности, вторил М. О. Гершензон в статье «Творческое самосознание», уверенный, что «нормальный, т. е. душевно цельный человек (в отличие от интеллигента с расколотыми сознанием и волей. – В.Г.) не может не быть религиозен, по самой природе человеческой души» (с. 92). Ведь Божественная истина «рождается из самых основ человеческого духа, она с неотразимой силою внедряется в каждое отдельное сознание, так что, раз представ уму, она уже овладевает им, от неё некуда бежать, ибо она – Бог в человеке, то есть сознательное космическое самоопределение человека» (с. 87–88). И так далее и тому подобное.

Казалось бы, направление мысли авторов «Вех» совпадало или было очень близко гоголевскому, заявленному в «Выбранных местах...», и эти авторы вполне могли бы зачислить великого писателя в предшественники, союзники. Однако этого не произошло. Ссылок на Гоголя, а тем более цитат из его произведений в «Вехах» нет. Он изредка фигурирует только в перечислениях, в одном ряду с другими русскими классиками. И то лишь как создатель «гоголевских типов» наряду с «чеховскими типами» (с. 63).

А на кого только авторы «Вех» не ссылаются и кого только не цитируют: Гл. Успенского и Вс. Гаршина, И. С. Тургенева и Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского, Н. К. Михайловского и К. Д. Кавелина, Льва Толстого и Достоевского (особенно Достоевского). Б. А. Кистяковский в статье «В защиту права (интеллигенция и правосознание)» цитирует даже произведение «поэтамориста», принадлежавшего кружку «молодой редакции» «Москвитянина» и к тому времени основательно подзабытого, Б. Н. Алмазова (с. 114). Не говоря уже об иностранных авторах (М. Лютере, К. Марксе, Т. Карлейле, Дж. Бениане, Т. Гоббсе, А. Меркеле и других). «Вехи» прямо-таки переполнены самыми различными именами, и справочный аппарат (указатель персоналий) к сборнику занял бы целый ряд страниц.

Вот только один, но весьма характерный пример. Булгаков дважды цитирует «знаменитое письмо» Белинского к Гоголю (с. 72, 78) – «пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения». Более того, веховец полемизирует с этим письмом, в котором, по его словам, с характерным «интеллигентским непониманием всей действительной пропасти между атеизмом и христианством» и с «обычной самоуверенностью» преподносится «образ Христа» в виде «социал-демократа или социалиста-революционера» в результате освобождения от «церковных искажений», что было «открыто философским движением прошлого века» (Белинский). Причём аргументы Булгакова во многом повторяют, порой дословно, доводы, которые приводил сам Гоголь в ответном письме к Белинскому (конец июля – начало августа н. ст. 1847 года, из Остенде). Гоголевское письмо, как известно, не было отправлено (писатель послал критику не ранее 10 августа 1847 года гораздо

более краткое письмо, не содержащее, по существу, конкретной полемики), но к 1909 году уже было полвека опубликовано, пусть с пропусками и неточностями, П. А. Кулишем¹. Гоголь здесь также говорит о «самоуверенности», «отважной самонадеянности», с которой критик судит о «святыне церкви», о «духовенстве, возвысившем нашу церковь», о пастырях, «которые мученической своей смертью запечатлели истину всякого слова Христова», о безрелигиозности, по Белинскому, «русского народа», «усердным подаянием Богу» которого, по Гоголю, возведены «тысячи церквей и монастырей, покрывающих русскую землю», о «грамоте, что нам дана, чтоб стремить к высшему свету человека», а не для «развращения народа русского» [XIII: 441, 439, 442] и тому подобное. Ср. у Булгакова:

Подобно лампадам, теплившимся в иноческих обителях, куда на протяжении веков стекался народ, ища нравственной поддержки и поучения, светили Руси эти идеалы, этот свет Христов, и, поскольку он обладает этим светом, народ наш – скажу не обиняясь – при всей своей неграмотности просвещеннее своей интеллигенции (с. 78).

Понятно, что Булгаков вряд ли читал книгу Кулиша (и, соответственно, ответ Гоголя Белинскому), но близость гоголевской и его аргументации вполне естественна (христианская точка зрения), за исключением того, что вспомнить самого Гоголя в связи с этой полемикой Булгакову даже не пришло в голову.

Веховцы выстраивают исторические ряды религиозных мыслителей, пытавшихся пробудить соотечественников «от догматической спячки» безверия и позитивизма (Булгаков). По мнению Бердяева, русская интеллигенция «просмотрела оригинальную русскую философию, равно как и философское содержание великой русской литературы». «Мыслитель такого калибра, как Чаадаев, – заявлял он, – совсем не был замечен и не был понят даже теми, которые о нём упоминали» (с. 38). «Зачатки новой философии, преодолевающие европейский рационализм на почве высшего сознания, – уверял Бердяев, – можно найти уже у Хомякова» и продолжил этот ряд фамилий, включив Вл. Соловьёва, Б. Чичерина, А. Козлова, кн. С. Трубецкого, Л. Лопатина, Н. Лосского, «наконец, мало известного Несмелова» (с. 39). Булгакову близки «писатели-славянофилы, Вл. Соловьёв, Бухарев, кн. С. Трубецкой и др.», Гершензону – «Чаадаев, славянофилы, Достоевский» (с. 95). Гоголь в этих перечислениях даже не упоминается.

Но среди указанных «в поучение» авторами «Вех» русских мыслителей были и такие, которые как раз поддержали (иногда с оговорками) гоголевскую «Переписку». Например, Чаадаев, нашедший в ней «страницы красоты изумительной, полные правды беспредельной, страницы такие, что, читая их, радуешься и гордишься, что говоришь на том языке, на котором такие вещи говорятся» (из письма П. А. Вяземскому от 10 мая 1847 года)². Хомяков назвал Гоголя в связи с его письмами «самостоятельным мыслителем»³, И. С. Аксаков «идеалом художника-христианина»⁴. Не говоря уже об архим. Феодо-

¹ Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. СПб., 1856. Т. II. С. 108–113.

² Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. Т. 2. М., 1991. С. 202–203.

³ Хомяков А. С. О старом и новом. М., 1988. С. 190.

⁴ Аксаков И. С. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 342.

ре (Бухареве), посвятившем истолкованию «Переписки» в её неразрывном единстве со всем творчеством писателя целую книгу-исследование¹.

Впрочем, интеллигенция, по мнению авторов «Вех», никак не отозвалась, осталась глуха «к религиозной проповеди Достоевского и даже Л. Н. Толстого, несмотря на внешний культ его имени» (с. 50–51). Да и вообще взаимоотношения великих русских писателей и интеллигенции всегда были далеки от идиллических. М. О. Гершензон имел все основания писать:

Силу художественного гения у нас почти безошибочно можно было измерять степенью его ненависти к интеллигенции: достаточно назвать гениальнейших – Л. Толстого и Достоевского, Тютчева и Фета <...> То, чем жила интеллигенция, для них словно не существовало; в самый разгар «гражданственности» Толстой славил «мудрую глупость» Каратаева и Кутузова, Достоевский изучал «подполье», Тютчев пел о первозданном хаосе, Фет – о любви и вечности <...> Больше того, в лице своих духовных вождей – критиков и публицистов – она (интеллигенция. – В.Г.) творила партийный суд над свободной истиной творчества и выносила приговоры: Тютчеву – за невнимание, Фету – на посмеяние, Достоевского объявляла реакционным, Чехова индифферентным, и пр. (с. 97).

Эту же мысль подхватил П. Б. Струве в статье «Интеллигенция и революция» и выразил её с ещё большей определённой:

Замечательно, что наша национальная литература остаётся областью, которую интеллигенция не может захватить. Великие писатели Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Чехов не носят интеллигентского лика (с. 142).

Столь же далёк был «героический интеллигент», полагали авторы «Вех», от народа при всём своём «народничестве», стремлении «быть спасителем человечества или по крайней мере русского народа» (с. 57).

Впрочем, проблема разрыва между народной жизнью и жизнью русского образованного класса, включая писателей, была со всей остротой поставлена ещё славянофилами. Причём свои надежды на разрешение этой проблемы они (и не только они) связывали как раз с именем Гоголя. И. В. Киреевский, например, писал ещё в 1845 году:

Жизнь нашей словесности оторвана от жизни нашего народа. Но, читая Гоголя, мы понимаем возможность их соединения².

Однако именно в «Выбранных местах из переписки с друзьями» увидел реализацию этой возможности, пожалуй, только П. А. Плетнёв. Он писал С. П. Шевыреву 21 ноября 1846 года:

Книга писем Гоголя – есть первое явление самобытного мышления в России <...> Ежели Бог сохранит Гоголя и даст ему силы вполне высказаться: вот где будет начало самобытной русской литературы. Мы ещё не дотронулись до своей земли и жизни [Гоголь в воспоминаниях... 2011, I: 685–686].

Вообще, фигура П. А. Плетнёва заслуживает, на наш взгляд, более внимательного рассмотрения. Мы хорошо знаем его как поэта и литературного критика с «изящным и верным вкусом» (П. А. Вяземский), педагога, «и друга, и издателя, и кассира» Пушкина (тот посвятил ему «Евгения Онегина»), а затем Гоголя (способствовал изданию «Мертвых душ» и «Выбранных мест...») и так далее

¹ Бухарев Феодор. Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб., 1860.

² Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 213.

и тому подобное. Но мы почти ничего не знаем о религиозных убеждениях этого разночинца, сына сельского священника, первоначально учившегося в Тверской духовной семинарии и оставившего её (не пройдя богословского класса) ради звания студента Педагогического института в Петербурге. Впоследствии, между прочими и весьма разнообразными занятиями (академик Плетнёв, например, был ректором Санкт-Петербургского университета), он совершил осенью 1849 года «путешествие по Святым местам русским и проехал около 25 городов» (из письма М. И. Орлова Д. К. Малиновскому от 17 октября 1849 года) [Гоголь в воспоминаниях... 2013, III: 684], что было по тем временам поступком не совсем обычным. Семейную паломническую традицию продолжил и один из сыновей Плетнёва – журналист, писатель, живописец, критик и мемуарист Алексей Петрович (1854–1934)¹, отправившийся в 1924 году на Афон и оставивший в гостевой книге Русского Свято-Пантелеимонова монастыря автограф, датированный 24 августом. Впечатления от этого паломничества (описание столицы Афона – Кареи, русского скита во имя Св. Андрея Первозванного и тому подобное) отразились в плетневском очерке «Спаситель мира, спаси Россию!», опубликованном в апреле 1926 года в парижской газете «Возрождение».

Однако вернёмся к «Вехам». Гоголь, можно сказать, неназванным всё равно присутствует в сборнике, причём чуть ли не в каждой статье. В «Выбранных местах...» он словно обозначил отправную точку для будущих наблюдений и выводов, а авторы «Вех», спустя полвека, так или иначе, следуют по указанному писателем пути. Вот только несколько примеров.

Гоголь, как известно, большое внимание уделил размышлениям о государственной службе, о необходимости для каждого чиновника «полностью познать его должность», выявить её «первообраз» [V: 353, 354], говорил о «святости наших обязанностей и званья» [XIII: 438]. В сущности, ту же мысль, но, уже используя другую («современную»), близкую ему терминологию и из-за этого несколько сместив акценты, выразил Гершензон, прямо по-гоголевски говоря о служебных местах (должностях) как о «святых»:

То совпадение профессии с врождёнными свойствами личности, которое делает работу плодотворной и даёт удовлетворение человеку, для нас невозможно, потому что оно осуществляется только тогда, когда личность выражена в сознании; и стоят люди на самых святых местах, проклиная каждый своё постылое место, и работают нехотя, кое-как (с. 102).

Булгаков много и вполне справедливо говорил о «первой и основной христианской добродетели» – «смирении» – самом «непопулярном в интеллигентской среде» слове, которое подвергается «непониманию и извращению» у интеллигенции, что «лучше всего свидетельствует» о её «духовной природе, избличает её горделивый, опирающийся на самообожение героизм». Разви-

¹ В статье Л. Макаровой об А. П. Плетнёве в биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917» (М., 1999. С. 634–636) дата смерти писателя обозначена «после 1916». Между тем известно, что в 1926 году А. П. Плетнёв устроил персональную художественную выставку в Белграде [Косик, 2010: 75]. Скончался А. П. Плетнёв, о котором, восьмилетнем, Л. Н. Толстой писал: «Критика его очень мне дорога – ежели он по отцу пошёл» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 60. М., 1949. С. 423–424), там же – в Югославии. Часть сведений об А. П. Плетнёве почерпнуты из доклада представителей Института Русского Афона (Д. В. Зубова и других) на заседании научной секции Императорского Православного Палестинского общества 12 сентября 2018 года.

вая свою мысль, философ подчёркивал, что смирение, иначе говоря, «чувство ограниченности индивидуальных сил пред расширяющимися задачами охватывает и философского мыслителя, и государственного деятеля, и социального политика и т. д.» (с. 66).

Но задолго до него Гоголь упорно призывал к «христианскому смирению» именно государственного деятеля, «занимающего важное место» (письмо XXVIII «Выбранных мест...», адресованное графу А. П. Толстому), трактуя это понятие вполне конкретно и, если угодно, методологически, полагая, что именно «христианское смирение» всегда поможет принять правильное политическое, государственное решение. Оно, уверен Гоголь, «спасёт вас повсюду и отгонит то самоослепление, которое находит на многих даже очень умных людей, которые, узнавши только одну половину дела, уже думают, что узнали всё, и летят опрометью действовать» [VIII: 350].

Тот же Булгаков обратил внимание на явление, особенно проявившееся во время революции 1905 года и названное им «духовной педократией» – «величайшим злом нашего общества», «уродливым соотношением, при котором оценки и мнения "учащейся молодёжи" оказываются руководящими для старейших, перевёртывают вверх ногами естественный порядок вещей и в одинаковой степени пагубны и для старших, и для младших». «"Студент" стало нарицательным именем интеллигента в дни революции», – добавил он дальше. Вполне логичным было сопоставление этого явления с христианской традицией:

И если в христианстве старчество является естественным воплощением духовного опыта и руководства, то среди нашей интеллигенции такую роль естественно заняла учащаяся молодёжь (с. 61).

Но Гоголь в «Выбранных местах...» заложил, если можно так выразиться, духовно-антропологические основания для подобных построений. В письме XII «Христианин идёт вперёд» (адресованном, вероятно, С. П. Шевырёву) Гоголь охарактеризовал юный возраст «всякого человека» как «лучшую пору», когда «стремлящая сила» ведёт его к расцвету, «когда он видит перед собой подвиги (ср. у Булгакова о «героизме» интеллигенции, в особенности, молодёжи. – В.Г.), за которые наградой всеобщее рукоплескание, когда ему мерещится радужная даль, имеющая такую заманку для юноши». Однако, продолжал писатель, «угаснула пред ним даль и подвиги – угаснула и сила стремляющая». Не так с христианином:

«Пересмотри жизнь всех святых, – обращается он к адресату, – ты увидишь, что они крепили в разуме и силах духовных по мере того, как приближались к дряхлости и смерти». Причина здесь в том, что «перед христианином сияет вечно даль, и видятся вечные подвиги». Поэтому «даже и те из них, которые от природы не получили никаких блестящих даров и считались всю жизнь простыми и глупыми, изумляли потом разумом речей своих» [VIII: 264].

Булгаков писал, что «оборотной стороной интеллигентского максимализма является историческая нетерпеливость, недостаток исторической трезвости, стремление вызвать социальное чудо...» (с. 71). Всё это приводит к потере «чувства связи с прошлым и признательности этому прошлому, которое так легко теперь забывают ради будущего <...>». Но этот пассаж есть не что иное, как раз-

витие гоголевской мысли о «пустой гордости и хвастовстве» («Четыре письма к разным лицам по поводу "Мертвых душ"»):

А у нас, ещё не сделавши дела, им хвастаются! Хвастаются будущим! Нет, по мне, уже лучшее временное уныние и тоска от самого себя, чем самонадеянность в себе [VIII: 298].

Почти в каждой статье «Вех» говорится о «партийном» духе русской интеллигенции, о нетерпимости к взглядам и мнениям других и тому подобное. Гоголь в «Светлом Воскресенье» и тут констатировал связь этого явления с «гордостью ума», которая «никогда ещё не возростала <...> до такой силы, как в девятнадцатом веке»:

Уже ссоры и брани начались не за какие-нибудь существенные права <...> уже враждуют лично из несходства мнений, из-за противуречий в мире мысленном. Уже образовались целые партии, друг друга не видевшие, никаких личных сношений не имевшие – и уже друг друга ненавидящие [VIII: 414].

В результате:

Всё человечество готов он обнять как брата, а брата не обнимет. Отделись от этого человечества один, несогласный с ним в каких-нибудь ничтожных человеческих мненьях, – он уже не обнимет его [VIII: 411].

Пожалуй, одним из самых любопытных сюжетов в «Вехах» являются попытки установить исторические корни русской революционной интеллигенции. Булгаков в этом вопросе весьма осторожен, хотя раннее увлечение марксизмом (см. его труд «От марксизма к идеализму». СПб., 1903), кажется, сыграло здесь свою роль. Он писал:

В исторической душе русского народа всегда боролись заветы преп. Сергия и Запорожской Сечи или вольницы, наполнявшей полки самозванцев, Разина и Пугачёва <...> И эти грозные, неорганизованные стихийные силы, в своём разрушительном нигилизме только, по-видимому, приближаются к революционной интеллигенции, хотя он и принимается ею за революционизм в собственном её духе; на самом деле они очень старого происхождения, значительно старше самой интеллигенции (с. 79–80).

Намного решительнее Булгакова П. Б. Струве: для него нет сомнений в том, как назвать «социальный слой, всего более далёкий от государства и всего более ему враждебный» во время Смуты, восстаний Стеньки Разина и Пугачёва и тому подобных – словом, всего того, что в марксистской историографии называлось «крестьянскими войнами». «Носителем <...> противогосударственного "воровства", – категорически утверждал он, – было как в XVII, так и в XVIII в. "казачество"». Не колеблется Струве и при определении его «исторического преемника». «После того, как казачество в роли революционного фактора сходит на нет, – уверен он, – в русской жизни зреет новый элемент <...> Этот элемент – интеллигенция» (с. 138) с её отщепенством, отчуждением от государства.

Нужно ли напоминать слова Гоголя из статьи «Взгляд на составление Малороссии» об «отчаянном народе, которого вся жизнь была повита и взлелеяна войною», а «буйная воля не могла терпеть законов и власти» [VIII: 46]? Однако писатель вложил в уста Тараса Бульбы предсмертное пророчество (во второй редакции повести) о грядущих выборах на царство Михаила Фёдоровича Романа, обращённое к полякам:

Постойте же, придёт время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымется из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!.. [II: 173].

В этом смысле гораздо ближе к Гоголю, чем авторы «Вех», был В. О. Ключевский – на его характеристику казачества в третьей части «Курса русской истории» ссылался Булгаков. Историк подчёркивал, что с «с начала XVII в. казачество постепенно втягивается в православно-церковную оппозицию» унии, начинает выступать за «веру и народность», «поборает по обижаемому русском Боге» [Ключевский: 107]. Словом, авторы «Вех» не заметили (хотя, казалось, должны были заметить) вслед за критикуемой ими революционной интеллигенцией столь важную для Гоголя религиозно-национальную составляющую движения запорожского казачества, на которую обратил внимание и Ключевский.

Однако следует признать, что в целом критический пафос авторов «Вех» (особенно, Булгакова) и Гоголя по отношению к состоянию современного образованного общества, интеллигенции совпадают. Гоголь диагностирует одну из ранних стадий развития болезни, веховцы – её обострение, чреватое катастрофическими кризисами, революциями. Только писатель конкретнее, ближе к повседневной жизни, «к семейственному и государственному быту» (не случайно Гершензон в другом месте обвинял его в «крайнем и мелочном утилитаризме»), обращён не только к высотам исторических или философских построений, но и к самому себе, к своему внутреннему миру и именно в нём, опираясь на христианскую традицию, ищет критерии оценки происходящего вокруг. Ведь он был автором не только «Выбранных мест...», но и «Правил жития в мире» и т. п. В центре его размышлений – образ Христа:

Выгнали на улицу Христа <...> наместо того, чтобы призвать Его к себе в дома, под родную крышу свою и думают, что они христиане! [VIII: 412].

Вернуться к Христу призывает и Булгаков:

Интеллигенция отвергла Христа, она отвернулась от Его лика, исторгла из сердца своего Его образ, лишила себя внутреннего света жизни и платится вместе с своею родиной за эту измену, за это религиозное самоубийство <...> отказавшись от Христа, она носит печать Его на сердце своём и мечется в бессознательной тоске по Нём, не зная утоления своей жажде духовной (с. 83).

Конечно, теократический гоголевский идеал был далёк от взглядов веховцев, ни на минуту не забывавших (как и полагается интеллигентам) об обскурантизме, русском государственном деспотизме и тому подобное. Для Гоголя, полагающего себя членом «исторической церкви», верным Священному Преданию, как действию в церкви Божественной Благодати, одним из ключевых стремлений было максимальное сближение и даже смешение понятий государства и Церкви. Важно подчеркнуть, что авторы «Вех», вполне следуя укоренившейся в интеллигентской среде традиции (осознанно или бессознательно – другой вопрос), предали забвению религиозные взгляды великого писателя, видя в нём только сатирика, обличающего «страхи и ужасы» России. Однако, несмотря на это, их критика русской революционной интеллигенции во многом была близка той, которую Гоголь обрушил на современное общество в «Выбранных местах...» и других произведениях.

Интеллигенция и в христианстве всегда предпочитала выбирать «свой» путь. Об этом точно писал С. Н. Булгаков:

В настоящее время можно также наблюдать особенно характерную для нашей эпохи интеллигентскую подделку под христианство, усвоение христианских слов и идей при сохранении всего духовного облика интеллигентского героизма. Каждый из нас, христианин из интеллигентов, глубоко находит у себя эту духовную складку <...> Подобный христианствующий интеллигент, иногда неспособный по-настоящему удовлетворить средним требованиям от члена «исторической церкви», всего легче чувствует себя Мартином Лютером или, ещё более того, пророчесственным носителем нового религиозного сознания, призванным не только обновить церковную жизнь, но и создать новые её формы, чуть ли не новую религию (с. 73).

Эти слова вполне подтверждают «религиозные искания» В. В. Розанова¹, Андрея Белого, Д. С. Мережковского с его учением об «Иисусе неизвестном», концепцией «нового религиозного сознания», «новой церкви Третьего Завета, Царстве Духа» и многих других. Вплоть до XXI века.

Литература

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание / Издание подготовил И. А. Виноградов. В 3 т. М., 2011–2013.

Гуминский В. М. Гоголь Николай Васильевич // Розановская энциклопедия. М., 2008. С. 261–275.

Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. Т. III. М., 1998.

Косик В. И. Русские краски на балканской палитре. М., 2010.

¹ Об отношении Розанова к Гоголю см.: [Гуминский, 2008].